

The background of the cover is a textured, layered blue surface, possibly representing a wall or a book cover. Several pieces of aged, yellowed paper are pinned or taped to the surface. In the bottom right corner, a portion of a vintage typewriter is visible, along with a small metal container holding pens or pencils.

**ОЛЕГ
ДЕМИДОВ**

**НОРМАЛЬНЫЙ
КАК
ЯБЛОКО**

**БИОГРАФИЯ
ЛЕОНИДА
ГУБАНОВА**

Русофилия (АСТ)

Олег Демидов

**Нормальный как яблоко.
Биография Леонида Губанова**

«Издательство АСТ»

2025

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Демидов О. В.

Нормальный как яблоко. Биография Леонида Губанова /
О. В. Демидов — «Издательство АСТ», 2025 — (Русофилия
(АСТ))

ISBN 978-5-17-171232-7

Первая исчерпывающая биография Леонида Губанова — поэта и символа свободного искусства 60-х годов. Непридуманная правда о преследованиях, запретах и подвигах художника, оставившего яркий след в литературе XX века. Леонид Губанов (1946—1983) — выдающийся поэт и художник, создатель легендарного неофициального творческого объединения СМОГ (самое молодое общество гениев). Его стихотворения и поэмы ещё при жизни поэта воспринимались ценителями как уникальные образцы национальной литературы, хотя существовали подпольно. Его трагическая судьба стала ярким явлением «моцартианского» порядка. Эта книга — первое серьёзное биографическое исследование о Леониде Губанове с широкой панорамой культуры 60 — 70-х. Среди её персонажей — Иосиф Бродский, Эдуард Лимонов, Саша Соколов и другие звезды той интереснейшей эпохи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-171232-7

© Демидов О. В., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Предисловие	6
1. Выть стихи (1946–1963)	15
Детство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег Владимирович Демидов

Нормальный как яблоко

Биография Леонида Губанова

*Его шаргалкою повесят,
чтоб списывали, но не трогали!*

Л. Г. Губанов

*И меня оденут в сладкий дым
грозовых легенд и примечаний,
я ведь был когда-то молодым,
этого они не замечали.*

Л. Г. Губанов

© Олег Демидов, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Предисловие

1

Книга созревала долго.

Сначала году в 2015-м меня подсадил на поэзию Губанова мой коллега Александр Кузнецов. Трудно было после общения с ним не «заразиться» «Полиной», «Дуэлью с Родиной» и «Серым конём». Он рассказывал о поэте, о его друзьях, о его возлюбленных. Спасибо ему!

Я скупил все книги, которые были доступны. Перечитал их несколько раз. Переслушал доступные и не очень доступные аудиозаписи с авторским чтением стихов. Пересмотрел губановские картины и рисунки.

А потом попал на телепередачу, где шёл разговор о современном литературном процессе – в прекрасной компании Андрея Рудалёва, Алексея Колобродова и... Юрия Михайловича Кублановского! Немного пообщавшись с мэтром, я понял, что необходимо братья за книгу.

2

Написать биографию Леонида Губанова – дело, кажется, нехитрое.

Есть специалист высочайшего уровня Андрей Журбин, благодаря которому выпущен сборник мемуаров о поэте, составлена полная библиография и протоптаны многие и многие филологические тропки.

Выпущены книги «Серый конь», «Я сослан к Музе на галеры...», «И пригласил слова на пир», «Постигший слово как восторг» и, наконец, «Меня ищут как редкий цветок...» с переводами на итальянский, французский, сербский и хорватский языки.

Много, не правда ли? Как с этим не работать?

Ещё живы многие друзья, приятели, товарищи, соратники, собутыльники, сослуживцы, возлюбленные, случайные знакомые и зрители кухонных концертов – бери да опрашивай их, узнавай всё, что тебя интересует.

3

И всё равно – писать мучительно и сложно.

Есть Андрей Журбин, которому сам Бог велел написать биографию, но отчего-то её пока нет. Уверен, однако, что рано или поздно она появится.

При этом сказать что-то ещё, что-то принципиально новое – можно, но для этого приходится прыгать выше своей головы (что, впрочем, радует, ибо заставляет расти).

Есть вдова и её архив, но тут возникают свои трудности. «Кабы не навредить Лёничке...» – есть страх, что та или иная публикация может отвадить читателей.

Поэтому сотни (если не тысячи!) неопубликованных текстов самых разных жанров будут ещё очень долго пылиться на антресолях.

Есть множество людей, знавших поэта, но при общении с ними возникает большое количество проблем:

- прошло время, и, если человек не вёл дневник или систематические записи, восстановить былые события порой просто невозможно;
- надо отделять правду от выросшей мифологии;
- надо отделять намеренную дезинформацию от поэтических фантазий;

– надо отделять явное и неявное желание приукрасить ситуацию от аберраций памяти.

У некоторых сохранились машинописные и рукописные сборники, рисунки, автографы, книги из домашней библиотеки Губанова, но толку от этого никакого, ибо, пока не будет создан *нединьий архив*, невозможно адекватно работать с материалом. Безусловно, есть такие находки, что разукрашивают белые пятна, но это лишь иголки в разворошённом и частично сожжённом стоге шелестящего бумажного сена.

4

Ахматова говорила, что любая прямая речь в воспоминаниях – ложь. Я не столь категоричен, но, читая труды двух Владимиров – Алейникова и Батшева – самые объёмные, без которых невозможно писать о СМОГе, – ловил себя на мысли: что-то здесь не сходится.

Беда в том, что оба литератора считают друг друга стукачами. Сразу скажу, чтоб не возвращаться к этому позднее: пока нет документов из архива КГБ-ФСБ, не стоит делать громких заявлений.

Алейников – отличный поэт и художник. Прочитаешь – и с ходу запоминаются некоторые его стихи – гениальные, что уж и говорить. Их не так много, как хотелось бы. Но они есть. С ними он войдёт в историю русской литературы. Ещё я посетил несколько его художественных выставок, купил себе одну из его картин, планирую приобрести ещё. Он великолепный художник. Но при всём при этом я не могу доверять на сто процентов его мемуарам. Но не потому, что они неточные, а потому, что Алейников и не стремится к точности, к фактологии, к датам и числам. Ему важен дух времени. Поэтому он и растекается мыслью по древу.

Батшев же очень средний поэт. Мне нравятся несколько его текстов, с которыми довелось поработать в РГАЛИ (в Российском государственном архиве литературы и искусства). Они очень ладные и хорошие.

Но при сопоставлении с другими поэтами, которые появятся на страницах этой книги, он не то чтобы проигрывает, но определённо теряется на общем фоне. Зато как мемуарист Батшев очень вьедлив. Он рано понял, что СМОГ останется в истории – не только литературы (и шире – культуры), но и в истории страны в целом. Поэтому начал собирать документы и фиксировать один прожитый день за другим. И в этом он разительно отличается от Алейникова.

Помимо подозрений в стукачестве они ещё развязали войну – спустя столько лет! – за главенство в СМОГе. Но тут, думается, двух мнений быть не может. Один – вместе с Губановым творил волшебство в литературе, другой – занимался политикой.

Юрий Михайлович Кублановский на наш прямой вопрос об этом споре чётко сказал: «Владимир Алейников – это всегда нечто другое. Он большой импровизатор. Во времена СМОГа он тоже писал гораздо лучше меня. После Губанова он был там второй человек»¹.

Неожиданно прозвучал Саша Соколов. Для него второй человек в СМОГе – это Губанов: *«[Алейников] был главным у нас поэтом. Был Губанов, Володя Батшев. <...> Да, [они] не состоялись, в силу бытовых причин. У них были колоссальные задатки. Тем более что примеры для подражания были великолепные – мы считали нашим главным учителем Пастернака. И я думаю, что не хватило Губанову просто литературного образования. Слишком было много ухода в анархию. Энергетики было очень много. Это всё перехлёстывало. Я не выдерживал дольше одних суток в этой компании. Это было невозможно. Они вели эту чудовищную жизнь, месяцами не просыхая и перемещаясь с одной дачи на другую»².*

Но оставим нашему мэтру его оценку и не будем придирааться.

¹ Беседа с Ю. М. Кублановским. 10 октября 2019 года.

² Беседа Наума Ваймана с Сашей Соколовым. 18 сентября 2003 года.

Как работать с такими диаметрально противоположными мемуаристами и, так сказать, с оригинальными суждениями? Да вот как-то приходится, стараясь сопоставлять и вычленять истину.

5

Отчасти из-за разрозненного архива, отчасти ввиду постоянного несистематического переписывания стихов самим Губановым возникает множество текстологических неувязок. Одна из самых заметных описана Натальей Шмельковой. Дело касается стихотворения «Серый конь».

Цитируем по альманаху «Зеркала» (1989):

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожей, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня в гениальном пальто,
Выгребая всю мелочь на творческий вечер.

Шмелькова ссылается на Юрия Крохина, который поправляет последние две строчки:

Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем...

В самиздатском сборнике (1975), подаренном Шмельковой, появляется ещё один вариант:

Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которая вечность.

Возникает странная ситуация: и сам Губанов по зрелости лет правил свои тексты, и его первая тёща Алла Рустайкис на свой вкус редактировала то, что скопилось в её домашнем архиве, а иной раз и неразборчивый почерк давал возможность публикаторам записывать слова в том или ином виде.

Что с этим делать – не совсем понятно.

6

Другие неувязки мне удалось заметить, заглянув буквально одним глазком в РГАЛИ.

Во-первых, в стихах – особая пунктуация. Она не то чтобы неправильная и не совсем всё-таки авторская, а больше походит на интуитивный синтаксис поэта, привыкшего *читать* свои стихи. Знаки препинания заменяют ему ритмические паузы.

Сурен Золян, его младший ереванский товарищ, с которым велась серьёзная филологическая переписка, писал об этом так: «...Губанов использует своеобразную пунктуацию, вероятно, отражающую его интонацию – он достаточно вольно трактует правила постановки запятой, ставя её там, где она правилами не требуется, и, напротив, пропуская там, где она положена. В написанных от руки письмах он обращается со знаками препинания ещё более вольно. Особый пунктуационный приём – многоточия, в том числе и в середине предложе-

ния, причём иногда это три точки, но обычно – четыре. Считать это описками вряд ли правильно...»³

Юрий Кублановский очень точно уловил эту интонационную особенность: «...и вновь звучит во мне порой его подзабытый голос. И когда звучит – вытягивает даже и слабый текст, а когда нет – остаёшься с книжными столбцами один на один, и тут вступают в силу свои безжалостные законы: законы стихотворчества и временного устаревания»⁴.

Голос Губанова наэлектризован, насыщен какой-то нечеловеческой энергией и, как следствие, витален. Это касается и поэтики, и манеры чтения. Прочитаешь ли, послушаешь ли – и хочется разом распахнуть окно, чтобы в комнату попал свежий воздух, хлопбытнуть рюмашку, чтобы было хорошо, или удавиться, чтобы, наконец, ничего не было.

Полярные состояния возникают за счёт неожиданных и порой безумных метафор, ломаных синтаксических конструкций и, конечно, русского бессознательного, которое так умело воспроизводится в стихах.

Беда же в том, что в современных сборниках тексты печатаются без какой-либо системы: орфография и пунктуация либо приводятся к современным нормам, либо остаются оригинальными. Так нельзя: это сбивает читателю дыхание.

К тому же книги составлены без должной филологической работы. Я не говорю о сносках и комментариях – это дело времени и большой коллективный труд. Дело в...

Лучше приведу пример.

7

Слушаю диск с записями, где поэт читает свои стихи⁵. В «Молитве. 1968 год. Кунцево» (которое ранее имело название «Воинствующая просьба») слышится:

Вдарь по струнам детворы
чёрный меч и чёрный мячик...

Как это опубликовано в книгах?

Вдарь по струнам детворы
чёрный мяч и чёрный мячик...

В этом же стихотворении появляются строчки:

Дай и будь благословенным,
дай, и август встретят кони,
на спине моих поэм,
в чудесах железных молний.

Как публикуется?

Дай и будь благословен,

³ Золян С. Т. Леонид Губанов о поэзии (письма Леонида Губанова Араму Алнакяну и Сурену Золяну). // Русская литература. РАН. 2018. № 2. С. 265.

⁴ Кублановский Ю. М. На свету и в темнотах лирической самобытности // Новый Мир. 2004. № 1.

⁵ Губанов Л. Г. Постигший слово как восторг: Стихотворения в исполнении автора. – СПб.: Издательство Сергея Ходова, студия современного искусства «АЗия-Плюс», 2017.

дай, и август встретят кони...

Думается, дополнительные комментарии к этой проблеме излишни.

Надо бы разбирать машинописные сборники – «Всадник во мгле», «Таверна солнца», «Волчьи ягоды», «Иконостас», «Преклонив колени», «Серый конь» и «Колокола», но в силу вышеупомянутых причин, а также из-за неполноты опубликованного в пяти книгах материала (да-да, увы, именно неполноты: где-то печатается одна часть машинописного сборника, где-то другая, где-то в силу личных мотиваций, цензурных соображений или «обстоятельств непреодолимой силы» не печатаются отдельные стихотворения), это представляется пока невозможным.

Вот вам пример.

В сборнике «Преклонив колени», переданном в РГАЛИ Диной Мухиной, после стихотворения «Голубая открытка» идут такие тексты:

* * *

Генриху Сабгирю⁶

Лето. Открыто окно.

На столе в бутылке вино.

На улице детский писк,

Женский визг.

В руке измятый конверт.

Вспоминается март:

Тогда от меня ушла жена:

«Не люблю», – заявила она.

Теперь пишет: «Скоро вернусь назад»

Я рад и не рад:

У неё такая привычка:

Она истеричка.

⁶ Сабгир – настоящая фамилия Генриха Сапгира.

* * *

Повесился.
Всё было просто:
На службе потерял он место.
В квартире кавардак:
Валяется пиджак;
Расколотый фарфор...
Вдруг,
Сирены звук,
На стенке блики фар.

Но вот в чём проблема: оба текста – стихотворения Игоря Холина, при этом второе оборвано на половине⁷. Зачем понадобилось Губанову вносить в свой машинописный поэтический сборник чужие тексты? Для отлаженной композиции? Для тонкой музыкальной составляющей? Для чего-то ещё?

Увы, за неимением *доступа ко все*му машинописным сборникам и тем более архивным записям говорить о полноценной работе поэта затруднительно.

8

При этом Леонид Губанов – фигура небывалая. Даже так: небывалистская; «Word» предлагает исправить глазковский окказионализм на «небуквалистская» – что ж, компьютерная программа по-своему права.

Такого поэта не было, потому что официальная литература и советская власть не давали ему разбежаться и в конечном итоге не смогли предоставить ему сносную жизнь.

Такого поэта нет, потому что его стихи, письма, проза, дневники ещё адекватно не опубликованы. Его рисунки и картины не напечатаны. Записи с его чтением редки и цензурированы.

Такого поэта не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Потому что очень силен человеческий фактор.

У Владимира Бережкова есть стихотворение «Губанов», прекрасно описывающее сложившуюся ситуацию:

Какая осень на дворе!
Какой стакан вина налили
в берёзовой моей дыре,
в России, где меня забыли

благопристойные друзья
и проститутки с алкашами,
где каждая моя семья
моим читателям мешает,

⁷ Дальше идёт так: «Вошёл милиционер ворча, / За ним халат врача. / А за окном / Асфальт умыт дождём, / И водосточная труба / Гудит / Как медная труба... / Сосед сказал: / Судьба!»

где каждый рвёт мои куски,
чтобы остаться рядом, рядом, —
вы и такие мне близки,
как рюмка, что покоит ядом.

И тем не менее... такой поэт есть! Хотя бы в виде мятежного духа, который просит бури, который сливается с ветром и воет свои стихи, который, наконец, растворён в современной культуре, в кунцевском пейзаже и в читателях русской поэзии.

Он есть и его не может не быть!

9

Вынужден ещё оговориться.

В какой-то момент работы над этой книгой я понял, что и стихи Губанова, и его судьбу необходимо не анализировать (но как же без этого?..), а пытаться (вос) принимать, ощущать и приобщаться к ним.

Радио должно задремать, иначе ничего не получится.

Кублановский как-то рассказывал, что он, будучи ещё совсем молодым человеком, вьюношей, только-только выбравшимся из Рыбинска, прочитал в самиздате Бродского. И это было большим открытием. Он начал раскапывать всю возможную информацию о новом для себя поэте. Узнал, что тот из круга Ахматовой. И прямо-таки обалдел.

Поэт Серебряного века и поэт, мальчишка, чуть постарше него.

Эта информация дала свои плоды уже на иррациональном уровне. Ему приснилась Ахматова. Одетая в атласное платье, она сидела в кресле, а он – подле неё, положив голову к ней на колени. И у них разыгрался примерно такой диалог:

– Анна Андреевна, как жалко, что я не познакомился с вами раньше, в отличие от Иосифа, Жени, Димы и Толи.

– Ничего, Юрий, тогда в ваших стихах было ещё слишком много отроческих пятен.

Много позднее, когда Кублановский оказался в эмиграции, он рассказал об этом сне Бродскому. Тот очень удивился и сказал, что это вполне в духе Ахматовой – «отроческие пятна».

Нечто подобное случилось и со мной. Когда я приспустил вожжи филологического анализа, начало происходить необъяснимое: сначала приснились юные смогисты в компании милых спутниц, сидящие у костра в каком-то подмосковном лесу и провожающие кого-то из своих в эмиграцию; потом приснился сам Губанов.

Понимаю реакцию читателя, который уже готов покрутить пальцем у виска. Я и сам сначала всё это не воспринимал всерьёз.

Психологи легко могут объяснить такую ситуацию: человек работает над воссозданием личности гения, рассматривает жизнь того во всех ракурсах, погружается в атмосферу полувекковой давности – и, как итог, подсознательное исследователя начинает в лучшем случае отображать подобно зеркалу накопленные знания, а в худшем случае – играть с ним злые шутки.

Человек верующий живёт с дремлющим радио. Для него случившееся – глубоко символично. Он может воспринимать это как «живой» разговор (о, сколько мы знаем таких бесед с умершими родственниками!) или как определённый знак, который можно расшифровывать, как угодно.

Например, приснившийся человек знает, чем ты занимаешься. Или он являет себя, чтобы ты его не забыл. Или пытается подсказать что-то. Или – что угодно ещё.

Явление же Губанова во сне – в первую очередь неожиданность. До сих пор не знаю, как его толковать. Разговора не помню. Только общие ощущения. И образ поэта – не со знаменитых

сычѳвских фотографий, а предшествующий ему, когда уже образовалась фирменная чѳлка, но не было ещѳ того груза жизненных неурядиц и многочисленных алкогольных возлияний. Не выюноша бледный со взором горящим, но и не муж-ж-жик средних лет.

Явился и благословил? Пусть будет так. Не разубеждайте меня. Не надо.

10

Хочется поблагодарить тех людей, без кого эта книга была бы невозможна: Александр Кузнецов, Андрей Журбин, Артѳм Баденков, Юрий Кублановский, Владимир Алейников, Борис Кучер, Анатолий Найман, Валерия Любимцева, Владимир Бережков, Юлия Вишневская, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Василий Авченко, Андрей Битов, Илья Симановский, Михаил Павловец, Дмитрий Ларионов, Андрей Фамицкий, Вадим Эрлих-ман, Олег Рябов, Сергей Калашников, Виктория Шохина, Андрей Коровин, Дмитрий Чѳрный, Екатерина, Леонид и Тимофей Демидовы.

«Возвышенного хочется!» – говорил Губанов.

Ну так давайте о возвышенном.

1. Выть стихи (1946–1963)

*История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом.*

Б. Л. Пастернак «Спекторский»

Детство

С чего начинается биография? Думается, не с рождения. Важна ещё родословная. Она вписывает человека в историю. В случае Леонида Губанова – закаляет характер и изошрённейшим образом опутывает географией страны.

Михаил Эпштейн писал:

«История России – это проекция её географии <...> Пытаясь применить бахтинское понятие хронотопа к российско-советской цивилизации, обнаруживаешь любопытную закономерность: хронос в ней вытесняется и поглощается топосом. Хронотоп переворачивается в топохрон, время опространствлено»⁸.

Чтобы получился национальный гений, его предки долго осваивали страну.

Семейное предание гласит, что дед поэта, Шалимов Егор Иванович (1882–1932) – из крестьян. Имел дом в Вельманке (Тульская губерния). Работал на железной дороге: сначала кочегаром, потом машинистом. Там же, видимо, связался с большевиками. И вскоре за «революционную деятельность» его отправили в оренбургскую ссылку. Вместе с ним отправилась и его жена Федосия Алексеевна (1882–1954). Оттуда они спустя три года сбежали. Вернулись домой. Сменили фамилию и стали Губановыми⁹. После революции перебрались в Москву.

С 1926 года Егор Иванович работал кочегаром на Дорогомиловском химическом заводе, где и закончил свои дни. В документах осталась удивительная платоновская запись: «Уволен ввиду смерти».

Отец, Георгий Георгиевич Губанов (1915–1988) – выдающийся инженер¹⁰. Оставшись единственным кормильцем семьи, стал работать на заводе «Авиаприбор» и обучаться на вечернем отделении в техникуме Всесоюзного объединения точной индустрии.

В 1940 году Георгия Георгиевича переводят на службу в Магадан – старшим техником-механиком авиаотряда Главного Управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР. (Где-то рядом трудился другой Георгий Георгиевич – Демидов, большой писатель и выдающийся инженер, ученик Ландау.)

⁸ Подробней см.: Эпштейн М. Н. От совка к бобку: Политика на грани гротеска. – М.: Дух и литера, 2016.

⁹ В беседе с Андреем Журбиным (7 ноября 2009 года) одна из подруг жизни поэта поведала, что Губанов, начитавшись Апулея, возвёл свою фамилию к рыбам – к целому семейству губановых.

¹⁰ В 1951 году старший Губанов начинает работать в «ОКБ Сухого» и дорастает до конструктора по особо важным объектам. В 1969 году ему присвоено звание «Заслуженный изобретатель РСФСР». Над чем он работал? Владислав Губанов вспоминал, что в поздние годы отец трудился над созданием искусственного сердца. О более ранних годах пишет Андрей Журбин: «Большинство внедрений Георгия Георгиевича связаны с пневматикой. Однако среди его запатентованных изобретений – устройства не только для военной авиации (кстати, он разрабатывал устройство для посадки и взлёта самолётов, которое можно было бы устанавливать вместо аэродрома в любом месте), но и для подшефного превосходно оснащённого ОКБ, находящегося неподалёку от Боткинской больницы. С 1969 года Губанов Г. Г. являлся руководителем экспериментальной конструкторской бригады по разработке новой медицинской техники». Подробней см.: Отраженья зеркальных осколков: заметки о жизнелюбстве Губанова. – Астрахань: ИПК «Волга», 2013. С. 16.

На Чукотке он познакомился с будущей женой – Анастасией Андреевной Перминовой (1918–2005). Она на тот момент работала помощником прокурора Анадырского района. В 1942 году они расписались, и спустя год у них родился первенец. Назвали его Владиславом.

Семья перебрались в Свердловск – видимо, к другому деду, Перминову Андрею Анисимовичу (1897 – после 1950). Тот работал в гулаговской системе: был начальником Верхотурской детской колонии, а после – ещё и нескольких взрослых.

Долго на Урале семья не прожила и уже в 1944 году вернулась в Москву.

Георгий Георгиевич работает в Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского, на заводе «Геоприбор» и в Научно-исследовательском институте удобрений и инсектофунгицидов.

Анастасия Андреевна сначала трудится следователем. И не где-нибудь, а на Петровке. После переходит на более спокойную работу инспектором – сначала в паспортный отдел, а после – в ОВИР. Удостоилась медалей «50 лет советской милиции» и «За безупречную службу» I, II и III степени.

20 июля 1946 года рождается второй ребёнок, которого называют Леонидом. Мальчик крещён в церкви Святой Троицы на Ленинских горах (постаралась бабушка Федосия Алексеевна).

Семья жила на Бережковской набережной, дом 44. Рядом – «торт Новодевичьего монастыря», Киевский вокзал, Москва-река, внушительные сталинки, достраивающиеся «семь сестёр». В стихах эти места появляются тоже¹¹:

Я помню себя, когда еще был Сталин.
Пыльную Пытилиху, торт Новодевичьего монастыря,
Радость мою – детство с тонкой талией,
В колокольном звоне – учителя...
<...>
Бережёт меня Бережковская набережная,
И царевна Софья дьяволу молится,
А четвёртый туз горько и набожно
У Москвы-реки в зеркало смотрится...

Брат Владислав вспоминает:

«В детстве Лёня казался обыкновенным ребёнком. Я был боевой, а он очень тихий <...> Вместе ходили в художественную школу, потом бросили <...> Рядом строили “Лужники”. Ходили туда – зимой на лыжах катались, летом в футбол играли»¹².

В 1956 году Губановы переехали на проезд Аэропорта, дом 6: те же сталинки вокруг, номенклатурные и литфондовские дома, но чуть больше природы.

Ещё снимали дачу в Кокошкино и Рассудово – это деревеньки по Киевскому направлению железной дороги. Недалеко от Москвы. Там были изыски сельской жизни и простое мальчишеское счастье: купание, рыбалка, прогулки, лошади и прочая живность.

Позже скопили на участок в Чепелёво – это уже Курское направление, а деревенька – точнёхонько под Чеховым. Взяли машину, чтоб сподручней добираться туда. Старший брат вспоминал:

¹¹ Губанов Л. Г. Чаевые чёрной розы // И пригласил слова на пир. – СПб.: Вита Нова, 2012. С. 117–119.

¹² Губанов В. Г. [Воспоминание о Л. Г. Губанове] // Про Лёню Губанова: книга воспоминаний. – М.: Пробел, 2016. С. 16–17.

«Дом на дачу рубленый купили. В то время каждой доске рад, ничего эс не было. А домов в Кунцево на снос – целая улица. Выбирай любой, договаривайся с хозяином и разбирай. Мы сами дом разбирали, брёвна подписали, и потом уже рабочие собирали этот дом на даче...»¹³

Были и пионерские лагеря под Наро-Фоминском (не знаменитое ли Литвиново? В 1920-е годы там была танцевальная школа Айседоры Дункан, а сегодня – лагерь для детей московской элиты), где начались первые занятия рисованием – пленэры с простенькими подмосковными пейзажами.

«К морю ездили, – вспоминал Владислав Георгиевич, – когда машину отец купил, в 1957, 1958 ли году? Крым, Кавказ – всё там объездили. Останавливались в кемпингах, в них кухни – можно было готовить. Около моря всё это, очень удобно было»¹⁴.

Учился Леонид в школе № 714, после переезда на Аэропорт – в школе № 144¹⁵. Хулиганил, курил, прогуливал. Как водится, сидел на камчатке. Оставался на второй год (1962–1963). Учёбой особо не интересовался.

Школьники говорили меж собой о полумифических соучениках – внуках Чапаева и Сталина и о детях менее известных исторических деятелей.

Среди преподавателей выделялся старичок-математик Григорий Павлович Гольдберг. Крепкий профессионал, готовил к всесоюзным олимпиадам – и дети занимали призовые места. Рассказывал, как бегал на поэтические вечера слушать Маяковского. Благоговейно относился к русскому языку. Мог отвлечься от своего предмета и рассказать что-то о жизни. Словом, живой человек, что в нашей школе – в любое время – большая редкость.

Преподаватель русского языка и литературы – Владислав Николаевич Яговкин, совсем молодой (за плечами армия да институт), демократичный. Давал на уроках тексты не из программы: к этому времени уже гремели шестидесятники, потихоньку просачивался Серебряный век.

Один из историков – Вячеслав Семенович Сорокин. О нём дельно написал Василий Смялянский (кажется, не одноклассник Губанова, но ученик всё той же школы):

«...молодой интеллект, красавец с пушкинскими бакенбардами. Он не отягощал себя цензурными соображениями, порою приговаривая во время уроков: “Помните, у нас сажают не только картошку. Сажают всякое...”»¹⁶

Была своя стенгазета – подростковая, злая, озорная. В ней – целая рубрика под названием «Дословные слова». Ольга Кравченко, одноклассница Губанова, рассказывала:

«Это буквальное выражение ненавистной многим, не очень грамотной, властной и весьма самовлюблённой учительницы истории Антонины Васильевны. На уроках истории мы жадно конспектировали все её стилистические и грамматические ляпы, чтобы потом опуб- ликовать их в следующем номере газеты под хохот учеников и учителей»

¹³ Там же. С. 17–18.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Сегодня это ГБОУ СОШ № 1384 с математическим уклоном имени А. А. Леманского.

¹⁶ Смялянский В., Шевелев Ю. Вольный русский мастер. Москва. Признание // Бизнес и культура. URL: <http://bkjournal.org/volnyy-russkiy-master-moskva-priznaniye/>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.